

A man with a grey beard and hair, wearing a dark blue suit, white shirt, and dark tie, stands in the background. In the foreground, a woman with long, straight blonde hair and light blue eyes looks directly at the camera. The background is dark and out of focus.

РИНА БЕЖ

НЕ ПО ЗАЛЕТУ

МОЙ ПЕРВЫЙ

Рина Беж

Не по залёту

<https://litres.ru/74206848>

Аннотация

Она спасла ему жизнь и ничего не попросила взамен. Только сказала: "Вы, главное, живите, пожалуйста!", дождалась приезда скорой и исчезла, будто мираж. А он влюбился, как мальчишка, пусть давно вышел из этого возраста. Влюбился не сразу, сначала решил ее найти и вернуть долг.

✓# История Ульяны и Егора Савранских. Многие знакомы с ними по истории "Больше, чем сделка" ✓# Героиня - девочка-девочка. И будущий педиатр, осталась пара месяцев до завершения ординатуры ✓# Герой - серьезный мужик с бизнесом за границей ✓# Разница в возрасте ✓# Брак по договору ✓# ОДНОТОМНИК

Эта книга - участник литмоба "Мой первый":

♥#НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА МОЮ АВТОРСКУЮ СТРАНИЧКУ, ЧТОБЫ ОТСЛЕЖИВАТЬ НОВИНКИ И НОВОСТИ

Содержание

Глава 1	4
Визуал	9
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	45
Глава 9	52
Глава 10	57
Глава 11	63
Глава 12	71
Глава 13	77
Глава 14	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Глава 1

Она спасла ему жизнь и ничего не попросила взамен. Только сказала: "Вы, главное, живите, пожалуйста!", дождалась приезда скорой и исчезла, будто мираж.
А он влюбился, как мальчишка, пусть давно вышел из этого возраста. Влюбился не сразу, сначала решил ее найти и вернуть долг.

=====

ГЛАВА 1

УЛЬЯНА

– Пушок, ну, где тебя черти носят? – шипит в трубку Иванова. – Время без четырех минут девять. Все почти собрались. Только тебя и Бурмистрова нет.

– Бегу, Лёлька. Бегу, – пыхчу в ответ, как лошадь на последнем издыхании.

Потому что реально шевелю ногами на пределе возможностей. Чтобы и быстро было, и никого не сбить, пытаюсь маневрировать в толпе.

А толпа о-го-го сегодня какая. Как по заказу, стеной прет, и все мне наперерез.

Начало лета, солнышко пригревает, на небе ни облачка, легкий ветерок с волосами, выбившимися из кички на макушке, заигрывает. Погода прелестная. Понятное дело, все

гулять выперлись, не смотря, что раннее утро.

– Долго тебе еще?

– Два светофора.

Иванова тихо стонет.

Ну да, шансы успеть невелики. В лучшем случае – пятьдесят на пятьдесят. Одна надежда, что куратор задержится. У него такое, кстати, часто бывает.

– Давай в темпе вальса, Ульяш.

– Да даю я, даю, – бурчу, удачно по зеленой перебегая первый светофор и неудачно стопорясь на втором.

Он прямо перед моим носом загорается красным и обещает целых семьдесят девять секунд ожидания.

Закусив губу, буквально пританцовываю на месте, подгоняя цифры перещелкиваться быстрее, и не сразу реагирую на смех подруги.

– Да если б ты давала, Пушок, – прыскает Иванова, – наш любвеобильный Царевич Елисей не зверствовал бы так люто, как голодная собака, и не грозился не допустить нас к итоговой аттестации.

Вот засранка!

Мысленно обещаю защекотать ее при первой же встрече, а пока передергиваю плечами, представляя рожу Бурмистрова Елисея Евгеньевича, нашего куратора.

Нет, он не страшный и не старый. Молодой, ему лет тридцать пять, не больше. Симпатичный даже – многие девчонки по нему с ума сходят, глазами так и облизывают, вот толь-

ко я в их число не вхожу. И входить не планирую. Получать оценки и зачеты через интим – не мой вариант учебы.

А уж через интим с женатым мужиком, чья супруга скоро родит, – табу в квадрате.

Это низко!

Это мерзко!

Это подло!

Бр-р-р, снова передергиваю плечами.

Слава богу, до итоговой аттестации остаётся чуть больше месяца. Дотяну как-нибудь, сдам госэкзамен и с превеликим удовольствием навсегда распрощаюсь с неприятным типом.

Ни одного дня под его началом работать не буду.

Да, детская клиника замечательная, и меня, как будущего педиатра, она более чем устраивает: современное оснащение, новый ремонт, коллектив, условия, место расположения, я очень сильно хочу помогать деткам становиться здоровыми, но постоянно испытывать на себе прессинг Бурмистрова – нет уж, столько нервов и моральных сил у меня нет.

Божечки, надеюсь, он не всерьез обещал завалить меня перед сдачей?

Стараясь не заикливаться на дурном, откидываю жуткие мысли в сторону. Вместе с датчиком светофора отсчитываю последние девять секунд до переключения с красного на зеленый и твердо выдаю:

– Извини, Лёль, но спать с этим слизняком ради допуска к экзамену я не собираюсь. Это отвратительно и вообще для

меня неприемлемо.

– Пф-ф-ф... ладно-ладно, не заводись, – переходит на шепот Иванова. – Я ж пошутила, Уль... прости, что неудачно. Больше не буду, обещаю.

– Прощаю, – фыркаю, не тая улыбки, – но с тебя латте с солёной карамелью.

– Ай, ты хитрюля, – смеется Оля, но вдруг становится серьезной и едва слышно проговаривает. – Всё, Пушок, звезда тебе. Не успела. Царевич прискакал... не в духе, судя по физиономии...

Вот только я ее почти не слышу.

Всё происходит так быстро и так медленно одновременно, будто перед глазами не реальность, а кадры блокбастера мелькают.

Отщелкивается последняя секунда красного. Загорается желтый. Перед пешеходником тормозит черный огромный автомобиль. На солнце глянцевые бока так сияют чистотой, что буквально слепят.

За ним еще такой же.

И следом третий.

Не знаю, с чего вдруг решаю их посчитать.

А в следующий миг из поворота, не гася скорость, вылетает КаМАЗ. Рыжая морда, выключенные фары, заляпанные грязью номера, прогнивший и облезающий кузов.

Именно грязь и ржавые борта яркой картинкой откладываются в памяти на долгие годы.

А в следующую секунду машина, которая, вроде как, и не должна ездить по этим улицам – для грузового транспорта предусмотрена объездная дорога – со всего маху таранит чистого черного четырехколесного красавца.

Одного из трех.

Того, что по центру.

Визуал

Ульяна Сергеевна Пушкова,

25 лет, девочка-девочка и будущий педиатр.
 Осталась пара месяцев до завершения ординатуры

Егор Владиславович Савранский
 37 лет, холост, женат не был, детей нет
 успешный бизнесмен, меценат, миллиардер, крупный совладелец одного из автоконцернов в Германии и просто очень привлекательный мужчина

Дорогие читатели, добро пожаловать в мою новую историю

"НЕ ПО ЗАЛЁТУ"

С героями многие знакомы по истории "Больше, чем сделка"
 https://litnet.com/shrt/КО_j

Нас ждут:

✓# Героиня - девочка-девочка. Будущий педиатр, осталась пара месяцев до завершения ординатуры
 ✓# Герой - серьезный мужик с бизнесом за границей и стальным характером
 ✓# Разница в возрасте - ей 25, ему 37
 ✓# Брак по договору

Глава 2

УЛЬЯНА

Крики, визг, разговоры, гул летящих по параллельной трассе машин и сигналы клаксонов – всё одновременно нарастает. Ширится, прибавляется в децибелах, оглушает.

И схлопывается.

Щелк.

И всё постороннее отсекается.

Одномоментно.

Я не вижу, как одни люди бегут прочь, а другие кучкуются, создают толпу и что-то обсуждают. Не чувствую, как меня толкают, чтобы занять место повыгоднее и первыми снять ролики, чтобы выложить в сеть. Не замечаю, как притормаживают машины, пытаюсь объехать образовавшуюся пробку. Как где-то начинает выть сирена полиции.

Я даже про собственное опоздание в клинику забываю.

В поле видимости остается только протараненный автомобиль и высыпавшие из двух оставшихся, не задетых машин мужчины.

Охрана – моментально приходит на ум.

Не потому, что все парни молоды, облачены в строгие костюмы и комплекцией напоминают шкафы.

Их выдает подготовка.

Они действуют быстро и профессионально. Рассредото-

чиваются и окружают место аварии. Одни достают водителя КаМАЗа, другие пытаются разблокировать двери поврежденного внедорожника, третьи острыми взглядами фиксируют обстановку кругом, не подпуская зевак близко, и всем своим напряженным видом демонстрируют готовность при любой новой опасности действовать жестко и на поражение.

Почему-то не покидает уверенность, что у большинства из них есть оружие. И разрешение на его применение тоже.

– Савр, твою мать, дыши! Дыши, говорю тебе, – вычленяю вдруг один голос из массы.

Мужской. Сильный. Низкий.

И в то же время взволнованный.

Нет, он не истерит и не прерывается тяжелыми вздохами, но вибрирует так, что это ощущается чем-то неправильным на подкорке.

– Борь, срочно вызывай скорую. Он задыхается... Сука! Твою мать, Савр, да как так-то?! – снова тот же голос. Похоже, этот человек сейчас главный.

Моргаю и с удивлением отмечаю, что толпа вынесла меня вперед. И, если на пару шагов сдвинуться левее, то я увижу, что происходит в поврежденной машине.

– Скорая будет только через десять минут. Пробки, Клим, – с рычащими нотками в тембре отчитывается, как понимаю, Борис.

– Блдь!

– У него есть какие-то повреждения? – выкрикиваю, не

имея сил и дальше оставаться безучастной.

– Что? Ты врач? – мужчины, как по команде все разом оборачиваются, реагируя на мой голос.

Острые взгляды впиваются в лицо. Пытаются вскрыть черепную коробку и просканировать мысли. Затем смотрят на того, кого я вычленила, как главного.

Он кивает в мою сторону. Один из охраны моментально отделяется от стальных, приближается, обхватывает широкой ладонью моё плечо и оперативно тянет за собой.

– Я – ординатор, – выдыхаю, пугаясь столь пристального внимания со всех сторон. – На врача экзамен еще не сдавала. Он через месяц только будет.

И то по специальности «Педиатрия».

О чем умалчиваю.

– Звать как?

– Ульяна.

– Считай, Ульяна, время твоего экзамена пришло. Спаси его, девочка.

И столько в приказе того, кого называли, если верно услышала, Климом, стали, мощи и угрозы, что мне жутко становится.

А затем я заглядываю в салон покореженного авто, встречаюсь с мутным взглядом уже синеющего мужчины и вспоминаю, зачем пошла учиться в мед.

Страх моментально растворяется под давлением обстоятельств и того привычного набора действий, которые мне

следует выполнить. Ну не совсем привычного, направление не мое абсолютно. Но я понимаю, что происходит, и знаю, как именно нужно поступить, чтобы спасти человеку жизнь.

Мою маму в свое время именно из такой же ситуации спасти не смогли. Никого грамотного поблизости не оказалось. Ноль специалистов – ноль шансов.

У мужчины, в темные глаза которого я сейчас смотрю, рядом есть я. И я стану его единственным шансом на жизнь дальше, потому что даже пяти минут у него уже нет.

– Свяжитесь с диспетчером скорой помощи, – произношу четко, переключаясь в рабочий режим. Никаких чувств, никаких эмоций. Сейчас всё это лишнее. – Я должна быть с ними на связи во время операции.

– Операции? Что ты хочешь делать?

Задираю голову и смотрю в лицо Клима. Открыто. Без паники. И нервов.

Потом поистерю, сейчас, пока в моих руках жизнь, это лишнее.

– Трахеотомию. Я рассеку переднюю стенку трахеи для обеспечения дыхания.

– Что? С ума сошла, девочка?

– Сейчас я – не девочка, а его единственный вариант, – указываю подбородком на мужчину в салоне. – Других у вас нет. Скорая не успеет. Недостаток кислорода в течение трех-пяти минут смертелен для головного мозга. Хотите, чтобы я бездействовала? Тогда попрощайтесь с вашим другом.

Меряемся с главным взглядами.

Всё решает мужчина, сидящий в машине. Тот, кто, теряя сознание и хрипя, заваливается на бок.

– Что тебе надо? – сдается Клим, бросая в сторону пострадавшего нервный взгляд.

– Подстелите что-то и кладите его на землю, на твердое. Еще мне нужен скальпель или любой острый нож. Пусть даже канцелярский. Спирт – идеально. Можно водку. Нет, так нет. Дальше – трубочка из-под сока или корпус от шариковой ручки.

– Твою мать!

– У нас мало времени, – повышаю голос.

Я не знаю, где бросаю собственную сумку. Не знаю, кто находится вокруг меня. Я только вижу перед собой мужчину, точнее, его шею.

Мои руки не дрожат, как и голос, когда я общаюсь с оператором скорой помощи.

– На шее у пострадавшего нахожу область над перстнещитовидной связкой, – проговариваю вслух каждое действие.

– Верно, Ульяна. Получилось? – на связи со мной хирург, представившийся Романом Сергеевичем.

– Да, получилось. Теперь выполняю горизонтальный разрез. Длинной и глубиной полтора сантиметра...

– Всё верно. Только не спеши.

Киваю. Сглатываю.

Прислоняю лезвие к коже. Нажимаю.

Кровь совершенно не пугает.

– Вставляю трубку в трахею на пять сантиметров, – в горле пересыхает. Мой голос хрипит, но я продолжаю. – Сейчас я вдохну через трубочку. Если все правильно, то воздух вернется.

– Умница, Ульяна. Всё, как по учебнику. Делай...

Первых два дыхательных движения через трубку делаю я. С третьего пострадавший начинает дышать самостоятельно.

Смотрю, как поднимается и опадает его грудная клетка, а сам он постепенно приходит в себя. Кожа теряет синюшный оттенок.

Едва сдерживаю слезы.

Господи, я смогла.

Смогла!

О том, что в случае неудачи мне могли бы предъявить обвинение, стараюсь не думать. Потому что в случае неудачи до обвинения, судя по лицу Клима, не дошло. Меня просто сравнивали бы с асфальтом.

Руки теперь буквально ходуном ходят.

Но это всё ерунда.

Живой. Вот что в приоритете.

– Вы, главное, живите, пожалуйста! – произношу мужчине, заглядывая в его невероятно глубокие стального цвета глаза.

Глава 3

УЛЬЯНА

Часы показывают шестнадцать минут десятого, когда я, на ходу поправляя воротник формы и слегка пробуксовывая резиновыми подошвами по плиткам, влетаю в смотровую.

– Доброе утро, Елисей Евгеньевич! Прошу прощения за опоздание! – проговариваю скороговоркой, всем видом транслируя раскаяние.

До побеления костяшек сжимаю в до сих пор влажной ладони блокнот и ручку и с робкой надеждой заглядываю в бледно-зеленые глаза куратора. Но по холодному прищурю и недовольно скривленным губам догадываюсь, что моё опоздание спускать на тормозах никто не собирается. Зато глумиться и топтаться по и так звенящим натянутой струной нервам – еще как.

Бурмистров полностью подтверждает мою догадку.

– Батюшки-светы! Посмотрите-ка, кто к нам, простым смертным, решил снизойти?! – театрально всплескивает он руками, не скрывая ехидства в голосе. – Госпожа Пушкинова собственной персоной. Ну надо же какая честь?! А я уж, грешным делом, подумал, что вы, голубушка наша, настолько в себя поверили, что решили устроить себе свободное посещение и являться на работу тогда, когда лично вам вздумается!

– Нет, конечно, Елисей Евгеньевич. Ни о чем подобном я не думала, – мотаю головой, краснея не столько под взглядами своих коллег-ординаторов, сколько от того, что на меня смотрит маленький пациент – мальчик пяти лет и его мама, сидящие на кушетке возле окна.

– Правда что ли? Может, у вас даже приемлемое объяснение вашему вопиющему поведению найдется?

Какой же он мерзкий!

Пусть как врач – очень грамотный специалист, но как человек – говно полнейшее.

– На перекрестке авария произошла, – произношу ровно, стараясь ни взглядом, ни мимикой не выдать своего к нему отношения. – Я, как единственный медик, оказывала пострадавшему помощь, пока не приехала скорая.

Новый хмык и вопрос с поддевкой.

– И как? Оказали?

– Оказала.

– Многих спасли?

Качаю головой.

– Нет, не многих. Только одного.

– Хм, как-то скудненько... – Бурмистров двигает челюстью, еще с полминуты препарирует меня колючим взглядом, затем в своей привычной манере засовывает руки в карманы халата и кивает на тех самых пациентов больницы – мальчика и его мать, – ну что ж, госпожа Пушкина, коли вы у нас сегодня надели на себя корону великой спасительницы,

вам и продолжать.

С готовностью киваю и следом уточняю:

– Что от меня требуется?

Согласна на всё, только бы не выгонял. Зачет от него всё равно получать придется.

– Я хочу, чтобы вы осмотрели паренька и поставили ему диагноз. Правильный, Пушкина, а не тот, от которого его лечат уже несколько дней. Карта пациента на столе. Можете ознакомиться с последними анализами.

Облизываю губы.

– Хорошо. Я готова.

Иду к ребенку.

Краем глаза цепляю стоящую сбоку Лёльку. Пока никто не видит, она мне подмигивает и скрещивает на удачу пальцы.

«Спасибо, лапуль!» – посылаю ей мысленную благодарность.

Подхожу к мальчонке и присаживаюсь на корточки.

– Привет! Давай знакомиться? Меня зовут Ульяна Сергеевна, – протягиваю ему руку, как взрослому. – А тебя как?

Мальчик бросает робкий взгляд на мать, получает от той поддержку в виде улыбки и кивка, заметно расслабляется и, возвращая мне внимание, отвечает:

– Коля.

Ладонь мне пожимает.

Мысленно выдыхаю: контакт есть. Теперь работаем, собираем анамнез.

– Коля, ты не против, если я тебя осматрю?

К счастью, мальчонка оказывается контактным, без капризов позволяет осмотреть и тело, и голову, и стопы, а под конец заглянуть в полость рта.

– Ну и? – так и держа руки в карманах халата, Бурмистров едва заметно раскачивается с пятки на носок и совершенно не скрывает ехидной усмешки.

Будто заранее знает, что любой диагноз, какой я не назову, он разнесет в пух и прах.

– Я бы посоветовала маме проконсультироваться с дерматологом или паразитологом, чтобы точнее подобрать антигистаминные и охлаждающие средства, – проговариваю, заглянув в медкарту пациента. – Укусы клопов не опасны, но, если ребёнок будет расчесывать их до крови и появления язвочек, может потребоваться обработка антисептиками и местными антибиотиками. А при тяжёлой форме назначение противоаллергических препаратов в таблетках и инъекциях.

– Что?! – охает мама Коли на всю смотровую. Женщина округляет глаза и смотрит на меня, как на идиотку. – Какие клопы, девушка?! Вы с ума сошли?! А еще врачом себя называете! Да у нас дома чистота и идеальный порядок, а у Коли ветрянка!

Глава 4

УЛЬЯНА

– Не знаю, кто вам поставил такой диагноз, но он точно ошибочный, – заверяю, не повышая голоса.

Возвращаю документы маленького пациента на стол, выпрямляюсь и спокойно опускаю руки вдоль тела.

– С чего вы взяли? – все еще пребывая на нервах, фыркает мать малыша.

Бросаю взгляд на куратора. Он больше ехидно не скалится, но и в разговор не спешит вмешиваться. Дает мне право отвечать самой?

Хорошо. Мне несложно.

– Ну хотя бы с того, что ветряная оспа – заразное заболевание, передающееся воздушно-капельным путем, – объясняю женщине неспешно. – И, будь у вашего мальчика ветрянки, сейчас он находился бы не среди здоровых людей, подвергая их риску заразиться и получить опасные осложнения в случае первичного заражения, а в карантинном блоке. К тому же посмотрите внимательнее на пятнышки.

Снова присаживаюсь на корточки и прошу Колю дать мне правую руку. Именно там я обнаружила больше всего укусов.

Мальчонка не спорит. Протягивает и даже позволяет оголить плечико, а после сам с интересом его разглядывает.

– Вот, проследите, – веду пальцами, вдоль ранок, не ка-

саясь их, чтобы не доставлять ребенку лишнего дискомфорта. Знаю, что и так зудят, а некоторые еще и довольно сильно расчесаны. – Они выстроены в единую цепочку. Размер этих пятен варьируется от четырех-пяти миллиметров до нескольких сантиметров. И все они одинаково свежие.

– И что?

Мысленно закатываю глаза. В этот момент парнишка кажется мне соображающим больше, чем его молодая слегка взбалмошная родительница.

– А то, что характерная особенность ветрянки – волнообразное появление сыпи. Пятнышки распространяются на теле постепенно, начиная от волосистой части головы и дальше опускаясь ниже, к животу и конечностям. Кроме того, они меньше по диаметру и быстро меняются: буквально за несколько часов превращаются в небольшие пузырьки с прозрачной жидкостью. У Коли такого нет.

Терпеливо обозначаю эти и другие несовпадения, присутствующие ветрянке. Следом обосную, почему у ребенка не было температуры, и не скрываю недоумения, когда не нахожу в карте анализа крови на антитела.

– Но мы что-то сдавали, – женщина хмурит лоб, а после и вовсе заглядывает мне за спину. – Дмитрий Михайлович, ведь так?

Дмитрий Михайлович?

Не скрывая удивления – мои брови буквально взлетают на лоб, – оборачиваюсь назад и нахожу глазами Пермякова.

Своего одноклассника.

Тот стоит нахохлившись, как взъерошенный воробей, хотя нет, скорее, как взъерошенный снегирь, потому что весь красный. Лицо, уши, шея – всё пылает заревом.

– Я... я, кажется, ошибся... – блеет горе-ординатор.

И тут же вскрикивает, так как Царевич Елисей, не жалея сил, вlepяет ему звонкий подзатыльник.

– Хрен ты у меня допуск к экзамену получишь, идиот.

Зная Бурмистрова, точно не получит.

Опозорил Димон не только себя, но и своего куратора. Еще и перед посторонними.

Уверена. Теперь ни папа – какой-то там крутой начальник в районной администрации, ни дедушка, кажется, хирург, ему не помогут. Так просто Елисей Евгеньевич его не простит и на костях точно спляшет.

– Марина, проводите пациента в процедурный для забора анализов, – рыкает Бурмистров медсестре, после чего обводит нас всех немигающим колющим взглядом. И только когда посторонние покидают смотровую, цедит дальше. – Готовьтесь, болезные, я с вас за эти полтора месяца с каждого по семь шкур спущу, прежде чем решу, что вы готовы к чему-то большому, чем писать истории болезни и оформлять пациентов. Всем ясно?

– Да, – отвечаем мы хором.

– Никаких поблажек. Никому. Никаких пропусков. Никаких опозданий, – острый взгляд в мою сторону. – И только

заикнитесь, что вам куда-то нужно спешить, если не закончили работу, – пауза и царское повеление. – Брысь с глаз моих долой.

Уф! Это с превеликим удовольствием.

Куда двигать дальше и так ясно. Ничто не меняется уже много месяцев. К Карлидиной, чтобы взять карты новых пациентов или не взять, если Царевич Елисей нашел другое занятие. Вплоть до того, чтобы менять лежащим судна. С него станет обидеться и мстить таким образом.

Однако покинуть кабинет вместе со всеми не успеваю.

– Пушкова, задержись.

Ну бли-и-ин!

Единственный протест, который себе позволяю, с силой сдавить в руке блокнот с ручкой. Но, когда оборачиваюсь, куратор видит лишь моё спокойное лицо и доброжелательность во взгляде.

– Слушаю, Елисей Евгеньевич?

За спиной щелкает ручка захлопнувшейся двери за последним ординатором и только тогда Бурмистров открывает рот.

– Грамотно сработала, Ульяна, молодец, – щедро отсыпает он мне похвалу, неспешно приближаясь и останавливаясь намного ближе, чем это необходимо. Его грудь задевает моё плечо, а теплое дыхание колышет волосы на виске. – Ты же не секунды не сомневалась, что можешь ошибиться. Я прав?

Заставляю себя не отшатываться. Показывать страх, зна-

чит, провоцировать на дальнейшее нападение. Сосредоточенно анализирую свое поведение и мысли в момент осмотра пациента и согласно киваю:

– Не сомневалась, да. Все было очевидно...

– Не для всех, – фыркает куратор и подается еще ближе. Теперь его грудь практически лежит на моем плече. Глаза сверлят щеку, а голос интимно понижается. – Улечка, ты меня очень радуешь в отличие от остальных, и я даже готов закрыть глаза на твои систематические опоздания...

При этом я мысленно охаю.

Систематические?!

Это второе опоздание за год, если что. Первое было, когда у бабули резко подскочило давление, я задержалась, чтобы дожидаться скорую.

Божечки, если подумать, ситуации даже чем-то схожи. В любом случае не чувствую вины ни за первое опоздание, ни за второе.

Но если Царевичу так хочется подобострастия...

– Еще раз прошу прощения, что сегодня задержалась.

Бурмистров кивает и все же заканчивает:

– Я готов быть к тебе лояльнее, если и ты, Уля, будешь лояльнее ко мне, – последние слова он практически мурлычет. – Согласись, всё по-честному. Ты – мне, я – тебе.

На поясницу опускается его тяжелая рука. Надавливает и плавно стекает ниже.

Секундный ступор исчезает.

Да как он смеет!..

Испуганной ланью отскакиваю в сторону и вскидываю на куратора потрясенный взгляд. До распускания рук он еще не опускался. Но, кажется, предел бессовестности давно потерян, и ему даже не стыдно.

– Не соглашусь, Елисей Евгеньевич, не по-честному, – выговариваю, едва сдерживая дрожь. Теперь мой голос звенит, и с этим я ничего не могу поделать. – Прошу меня не трогать и впредь держаться в рамках строго деловых отношений.

Не дожидаясь ответа или извинений, разворачиваюсь и устремляюсь к выходу.

Мамочки, он совсем обнаглел!

Глава 5

УЛЬЯНА

– Бабуль, я дома, – кричу, едва переступаю порог квартиры.

От устроенного в больнице Бурмистровым произвола внутри до сих пор тошно и периодически бросает в дрожь. Отвратительный человек и поступки у него хамские.

Не мужик, а не пойми что.

Хочется поскорее стереть его из памяти, забыть, как страшный сон. И еще непременно тщательно помыться. Но я откладываю последнее желание на потом и прячу кислую гримасу за жизнерадостной улыбкой.

Моя любимая Зоя Михайловна, бабушка по отцовской линии, и так слишком многое пережила, чтобы давать ей лишний повод для беспокойства.хлопоты из-за меня точно не пойдут на пользу ее больному сердцу, которое в последние два года все чаще шалит и заставляет меня нервничать.

Не дождавшись ответа, запираю входную дверь, скидываю балетки и опускаю сумку на тумбу. Секунду прислушиваюсь к тишине и, стягивая рукава кофты, спешу заглянуть в гостиную. Убеждаюсь, что там пусто, и иду дальше по коридору в кухню.

– Эй, ты чего молчишь? – уточняю, всё еще улыбаясь.

Но, приглядевшись, становлюсь серьезной.

Бабушка сидит на табуретке возле окна. В ладонях зажато скомканное вафельное полотенце, нижняя губа дрожит, глаза красные. На меня не смотрит.

– Что случилось? – выпаливаю, падая перед ней на колени.

Догадка уже мелькает в голове, но я не хочу в нее верить.

– Максим приходил. Опять денег просил.

Действительность, как камнепад, обрушивается без предупреждения.

Максим – мой дядя. Младший брат отца. Бабулин сын и чертов предприниматель.

Почему чертов?

Потому что в предприниматели идут, чтобы деньги зарабатывать. Но мой дядька – мой единственный живой родственник кроме бабушки, делает все наоборот.

Он деньги в трубу спускает.

Честное слово.

Во что не влезает, лишь больше долгов набирает. То поставщики его обманули, запчасти не те привезли. То заказчики придрались к выполнению работ и заплатили вдвое меньше обещанного. То наемные работники напились и сожгли оборудование. То соседи-предприниматели что-то стащили. Вот и занимает постоянно. То у одних, то у других, чтобы первым долг вернуть. Даже в «быстрозаймы» не боится соваться. Про кредиты молчу.

И у бабули постоянно пенсию вымарщивает. На сигареты.

Та божится, что это в последний раз, но все равно ему

дает. И дает. И...

Проглатываю готовые сорваться с губ плохие слова, накрываю сухие морщинистые руки своими ладонями и тихонько спрашиваю:

– Как ты?

– Нормально, Уленька, – смотрит в глаза. Одну руку освобождает и по голове меня гладит. – Прости меня, родненькая, знаю, что глупость сделала. У нас и без Максима каждая копейка на счету. Ты на всем экономишь и ничего себе не покупаешь. Всё на лекарства дорогие мне тратишь. Но Максимка... он же такой пройдоха, и камень сумеет уговорить. Да еще сын, теперь единственный. Я сама не поняла, как отдала.

Как-как... по ушам дядька поездил, поныл, поплакался, пообещал, что в последний раз, что исправится, вернет... это ж соловей – поет, не заикается... Эх!

– Много отдала?

– Половину пенсии.

– Две красные бумажки? Или три?

– Три.

Закусываю губу, киваю.

Тут не половина, а даже больше. Бабуля-бабуля, сердобольная ты моя...

Не то что дядька. У того ни стыда, ни совести нет. И ведь знает проклятый, что я подобного не допустила бы, вот и приходит к бабушке, когда меня нет.

Паразит хитрожопый!

Только что теперь воздух сотрясать? Бесполезно. Уверена, этих денег уже след простыл.

– Перестань, бабуль, себя ругать, – произношу старательно мягко. – Что сделано, то сделано. Лучше скажи, ты хоть обедала сегодня? Или забыла?

– Я... – оглядывает кухню с таким видом, будто только сейчас понимает, где находится. А потом морщится и ладонь к груди прижимает. – Не хотелось, Ульяш. Честно.

Не хотелось ей, ага.

Потому что на нервах она никогда ничего не ест. Вон какая сухонькая. Как божий одуванчик. Невысокого роста, тощая, сутуловатая и волосы седые-седые в гульку свернуты и гребнем заколоты.

– Так, понятно, – киваю. Поднимаюсь на ноги и помогаю подняться ей. – Пойдем-ка в комнату, моя хорошая. Я тебе давление померяю и капельницу поставлю. Витаминчики, которые врач на прошлой неделе прописал, покапаю.

– Внуша, да не надо.

Глаза прячет. Стыдится.

– Надо-надо, – говорю твердо. – Ты пока приляжешь, отдохнешь, а я суп разогрею. У нас же со вчера куриный оставался, я помню. А потом, через часик, вместе поедем. Договорились?

– Ульяш, родненькая, да я...

– Тш-ш-ш... бабуль, все хорошо, ты только не нервничай,

– перебиваю. А на следующей фразе еще и шуточной угрозы в голос добавляю. – Иначе, если плохо себя вести будешь, точно попрошу Нину Кирилловну тебя к нам в кардиологию оформить. Пусть специалисты за тобой наблюдают.

– Да что мне те специалисты, – оживает и ворчит возмущенно. – Ты у меня – лучший доктор, больше их всех вместе знаешь.

Но послушно идет в комнату. Только не легко, как, когда чувствует себя хорошо, а тяжело опираясь на мою руку и шумно шаркая по линолеуму подошвами домашних тапочек, сшитых собственными руками.

– Ба, ну ты как скажешь... – смеюсь ее наивной вере в мою великолепность, стараясь не циклиться на плохом. – Я всего лишь детский врач. Педиатр. И только.

– Все равно я тебе больше, чем им доверяю, – оставляет она последнее слово за собой.

– Ладно-ладно, – не спорю.

Не вижу смысла накалять.

Раз так хочет – пусть будет. Мне даже приятно, что ее вера в меня такая чистая и незамутненная.

В комнате помогаю ей сесть на диван. Потом лечь. Подкладываю подушку повыше, чтобы было удобнее смотреть телевизор. Накрываю ноги пледом и тянусь за пультом. Пока Зоя Михайловна щелкает кнопками, включая свой обожаемый телеканал «Домашний», иду за тонометром.

Чуть позже ставлю капельницу – давление действительно

скачет. Настаиваю подачу лекарства. И пока оно бежит, бегу и я. Для начала в свою комнату, чтобы переодеться, затем на кухню, чтобы разогреть нам незамысловатый ужин.

Ничего. Со всем справимся. Всё будет хорошо. Главное, мы с бабушкой друг у друга есть.

А с Максимом... с Максимом я поговорю.

Глава 6

УЛЬЯНА

Утро следующего дня начинается с сообщения, отправленного Ольгой.

«Танцуем, Пушок! Царевича Елисея до конца недели не будет! Умчался в область на какой-то трехдневный семинар. Лафа!!!»

«Ого?! Супер!!! Откуда весть?»

Пальцы порхают по кнопкам виртуальной клавиатуры смартфона, пока сама я стараюсь балансировать на одной с половиной ноге и не свалиться на кого-нибудь из подпирающих меня со всех сторон пассажиров. Таких же «счастливиц», как и я, добирающихся до места учебы и работы не сидя, а стоя. Порой даже висая.

Перемещение по утрам в общественном транспорте нашего города – это даже не бег с препятствиями, это покорение Эвереста без страховки. Особенно, если водитель в ударе и на тормоз жмет, будто танцует чечетку.

«Карлидина счастьем поделилась»))»

Да ладно?!

«Неужто и её этот деспот достал?»

«А ты как думала, Уль? Естественно! Наша Карлуша из возраста, интересного Царевичу, уже вышла, поэтому он ее в хвост и в гриву гоняет»

«Вот удод(((»

«+100%!!!»

Хмыкаю на последнее сообщение Ивановой и уже собираюсь убрать телефон в карман сумки, как она присылает следующее.

«Ты где территориально едешь? Еще долго?»

Бросаю взгляд в окно. Стекла в пыли, но местность узнаю.

«Три минуты, и буду»

«Круть! Встречаемся у твоей остановки»

Вместо слов отправляю смайлик с задранным вверх большим пальцем и теперь уже точно прячу смартфон под «змейку».

– Простите, вы на следующей выходите? – уточняю у ближайшего ко мне несчастного, умудряющего держать в толкучке не только себя, но и полутораметровый тубус.

– Не-а, пролезай...

Поджав живот, выкраивает мне десять сантиметров прохода.

– Ага, спасибо...

Пыхтя и то и дело извиняясь, добираюсь к центральным дверям как раз к моменту десантирования. А потом они распахиваются, и меня, как пушинку, выносит на улицу вместе с толпой.

– Уф! Справилась, – выдыхаю счастливо, уверенно маневрируя в броуновском движении петербуржцев и параллельно убеждаясь в целостности себя любимой и вещей.

– Приветтики! – Иванова налетает ураганчиком с той стороны, откуда ее не жду. – Держи!

Протягивает мне один из двух картонных стаканчиков.

– Привет! Это что? – уточняю, забирая и приняхиваясь.

И еще до ответа Лёльки мысленно стону от восторга. О божечки, какой обалденный аромат. Я в раю. Не меньше.

– Как ты заказывала. Латте с соленой карамелью.

– Ты ж моя умничка! – от души хвалю подругу и, привстав на носочки, чмокаю ее в щеку.

Оля на полголовы выше меня. И каблуки тут абсолютно не при чем.

– Ну что, идём? – кивает она в сторону пешеходного перехода, когда я перестаю ей восторгаться, и по привычке подхватывает меня под локоть.

– Ага, давай, – соглашаюсь. Но прежде делаю первый глоток. – М-м-м... какая прелесть! Я уже говорила, что тебя люблю?!

– Сегодня? – Иванова делает вид, что задумалась, но через секунду мотает головой. – Нет. Не припомню. Косяк, Пушок...

– Тогда говорю! Я тебя обожаю!

Так, переговариваясь, смеясь и между делом перемывая кости вредному куратору, добираемся до больницы, а после, переодевшись в униформу красивого салатного цвета, разбегаемся каждая по своим делам.

Встречаемся только на обеде в столовой. И законные со-

рок минут тратим не столько на перекус, сколько на обсуждение новых пациентов, поступивших с утра по скорой. Пару малышей с отравлениями, одного велосипедиста с трещиной в голеностопе и трех электросамокатчиков – с ссадинами и порезами.

– Для компании только скутериста не хватает, – фыркает Лёлька и, как в воду глядит.

Перед самым нашим уходом привозят тринадцатилетнего парнишку, влетевшего на байке в автомобиль. Хорошо, что последний был припаркован. Плохо, что затормозить мальчишка в любом случае не успел. Множественные гематомы, сотрясение и перелом костей предплечья.

Домой добираюсь только к семи вечера. Возле подъезда притормаживаю, чтобы найти к сумке ключи. И слегка вздрагиваю, услышав знакомый голос.

– Племяшка, привет! А я как раз тебя жду.

Моя остросюжетная новинка **"Бракованная наследница"** <https://litnet.com/shrt/BsS7>

Заголовок, написанный жирным шрифтом, бьёт меня прямо в лицо, будто пощёчина.
 «БРАКОВАННАЯ НАСЛЕДНИЦА»
 Сердце сжимается так сильно, что я на секунду забываю, как дышать.
 Пальцы леденеют.
 Я читаю текст ниже, и каждое слово, как нож, который медленно, но неумолимо проворачивают в ране:
 «Единственная наследница владельца нефтеперерабатывающего ком-

плекса “Кор-Групп”, Янина Королёва, отметила своё восемнадцатилетие в загородном клубе “Алмаз-Гранд” с большим размахом и... весьма непристойно.
 Красотка была замечена в компании неизвестного молодого человека – и явно не её жениха – в совершенно невменяемом состоянии и в очень пикантных сценах. Снимки вы можете видеть сами.
 К сожалению, дед Янины, Аристарх Королёв, как и жених, один из наследников “СибНефть”, Мирослав Граховский, от комментариев отказались.
 Интересно, долго ли последний останется в женихах, и что он реально думает по этому поводу?!»

Глава 7

УЛЬЯНА

– Дядя Максим? – оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с младшим братом отца. – Здравствуй.

Симпатичный, сорокалетний сухощавый блондин выше меня на целую голову. Модная прическа, стильная короткая бородка, качественные вещи и обувь. Открытый взгляд, подкупающая улыбка, молодецкий задор и задатки неплохого психолога.

Он умеет производить впечатление и располагать к себе. Но душа с гнильцой.

Жаль, понимаешь это не сразу.

Он, как мухомор, с виду яркий и красивый, а внутри ядовитый и опасный.

– Ульяш, ну какой я тебе дядя, – мягко журит меня родственник, строя из себя обидчивого парня. – Просто Максим.

Ага, просто.

Просто Максим. Просто приходит и жалуется, что жизнь – боль и забирает у родной матери деньги, предназначенные на еду. Просто обещает отдать и просто забывает.

У него всё просто.

Просто... стыд и позор.

Пока мысленно киплю, воспоминания переживания ба-

бушки, дядька подходит ближе и протягивает руку.

– Давай пакеты возьму. Тяжело держать.

– Не надо, спасибо. Я сама, – увожу кисть за спину.

По пути домой забежала в продуктовый, купила свежего хлеба, молока, соли, макарон и курицу. Тяжеловато немного, но принимать помощь от Максима не хочу. Ни секунды не верю в его добродушие.

Он все делает только с выгодой для себя.

– Ты у бабушки был? – спрашиваю, возвращаясь к поиску ключей.

– Нет, зачем? – не скрывает удивления. – Мы ж с ней вчера только виделись.

– Угу, понятно, – киваю и, вытащив связку, зажимаю ее в кулаке. Поправляю на плече ручку сумки, чтобы не съезжала. Заглядываю ему в глаза. – А меня зачем ждал?

Максим отвечать не спешит. Сначала отводит глаза в сторону, потом и вовсе головой по сторонам вертит, осматриваясь, будто сто лет площадку возле дома не видел. Растирает ладони и прячет их в карманы песчаного цвета джоггеров.

– Разговор есть, племяшка.

Продолжить не успевает, пиликает домофон, подъездная дверь распахивается.

– Здравствуй, Улечка, – здоровается соседка с третьего этажа, держа подмышкой одной руки золотистого непоседу – кокер-спаниеля, а во второй поводок. – Ты заходишь?

Притормаживает и придерживает мне локтем дверь.

– Добрый вечер, тёть Лен, – улыбаюсь. – Спасибо, не нужно. Мы на улице воздухом дышим, погода классная.

– Это да, вот и мы с Тимкой вышли перед сном прогуляться.

Обмениваемся с соседкой понимающими улыбками.

Максим молчит, но тоже излучает позитив каждой порой своего тела. Тётю Лену он не знает, она всего три года назад сюда переехала, дядька тут уже не жил.

Если не ошибаюсь, он перебрался в съемную квартиру сразу после института. Потом женился на своей бывшей однокурснице Тане. Квартиру им подарили родители супруги. Но счастье молодых было недолгим. Брак не продлился и трех лет. Таня летом полетела на море с подружками в отпуск. Отдыхали на яхте. Во время шторма ее смыло за борт. Тела так и не нашли.

После этого дядька так не женился. Но то, что дам сердца у него хватает, сомневаться не приходится. Даже теперь я улавливаю мимолетный обмен оценивающими взглядами между ним и соседкой.

– Так о чем ты хотел поговорить? – возвращаюсь к разговору, когда мы вновь остаемся вдвоем.

Вскинув руку к глазам, проверяю время на часах. Уже начало восьмого. Поздновато.

– Спесишь? – правильно считывает намек родственник.

– Да. Мне еще ужин готовить, нас с бабулей кормить и кое-какие лекции хочу заново проштудировать, чтобы в памяти

восстановить.

Смеется.

– Не устала еще учиться, вечная студентка?

На подколку отвечаю серьезно.

– Нет, дядя, мне всё нравится. Я всегда хотела быть врачом. Да и осталось не так много. Скоро экзамен.

– Ну понятно, – хмыкает он. – На всех парусах несешься к своей мечте.

– Именно.

– Ладно... – кивком отменяет лишнее и, перестав ходить кругами, устремляет в меня взгляд, в котором всё веселье сходит на нет. – Ульян, я чего хотел-то... – чешет бровь ногтем мизинца и, кашлянув, продолжает. – Мы с другом одно дельце на двоих замутить решили. Покрасочный цех организуем в промзоне за ЖД-линией. Порошковое окрашивание. Уже и клиенты нашлись, только запускайся, прикинь.

Киваю.

– И?

Ни секунды не сомневаюсь, что дядька приехал не просто поделиться идеями. А снова что-то попросить. Даже глаз начинает дергаться... так сказать, заранее предчувствуя очередные неприятности.

– И нам на раскрутку инвестиции нужны.

Максим выдерживает паузу.

Я тоже молчу. Жду продолжения.

Дожидаюсь.

– В общем, я надумал квартиру свою продать. Куда мне трешка одному, скажи? За лишние метры только плачу зря. Короче, продавать ее буду. А пока новую подыскивать – однушку или двушку – еще не решил, – у вас поживу с матерью.

– Ты у нас? – не скрываю удивления.

– Ну да. У вас же двушка. Поместимся. Вы, девочки, в одной комнате. Я, как мужик, во второй.

Вот хитрозадый, а?!

Все распланировал!

Только нас спросить забыл.

– Не уверена, дядя, что это хорошая идея, – проговариваю, взвешивая каждое слово. – Бабушка рано спать ложится, ей тишина нужна. А мне заниматься вечерами надо и лекции некоторые по ноутбуку слушать. Так что...

– Ну, в таком случае у меня есть второй вариант, как нам быть.

– Нам? – не скрываю изумления.

Ловко он свои проблемы под наши общие определил.

– Ну да, Ульяш, – улыбается он широко и довольнo. – Раз вместе тесно, то я согласен на твою квартиру. Ту, что осталась тебе от родителей. Мать вчера говорила, что квартиранты с нее через пару недель съезжают. Свое жилье купили. Так и отлично. Пусть отчаливают, а ты другим не сдавай. Я сам въеду. Тогда и вам тесниться не придется.

Закрываю глаза и качаю головой.

Какой молодец, а?!

Интересно, долго думал?

– Нет, дядя, не выйдет, – произношу твердо. – Квартиру я сдавала и сдавать буду. Мы на эти деньги с бабушкой живем. Ищи другие варианты.

– Да брось ты, – отмахивается. – А то вам денег не хватает. Мать пенсию нормальную получает. И у тебя стипендия президентская. Так что не пыли, что на мели сидите.

Мерзко просто слушать, не то, что представлять.

Но многолетняя привычка заставляет держать себя в руках.

– Я тебе чеки могу предоставить, сколько денег мы тратим на лекарства, – выдерживаю все тот же спокойный тон. – И нет, я не в претензии, Максим, но хотела бы поинтересоваться, вдруг ты, как любящий сын, решишь тоже поучаствовать в лечении матери или хотя бы долги ей вернешь?

Он от меня едва не отшатывается.

– Уль, ну откуда у меня свободные деньги?! Смеешься?! Всё в производство давно вложено. Сама понимаешь, бизнес требует каждую копейку экономить, – так складно врет, что уши в трубочку сворачиваются. Чешет затылок и носком кроссовка камень в сторону откидывает. – Я, конечно, попробую... что ж я – изверг, родных людей не поддерживать. Как решу вопрос, наберу тебя, хорошо?

– Да, конечно. Буду ждать.

Копирую его фальшивую улыбку и, коротко попрощав-

шись, иду домой.

В помощь от него ни секунды не верю. А вот в то, что на шею к нам решил забраться, очень даже.

Становится сильно не по себе.

Глава 8

УЛЬЯНА

Оставшиеся до конца рабочей недели дни шуршат, как листочки в календаре. Медленно, но верно сменяя друг друга.

Пока Бурмистров отсутствует, Карлидина допускает нас до маленьких пациентов, не заставляя просаживать время впустую, перебирая и переписывая макулатуру других врачей. Она дает нам реальную работу, ту, ради которой мы все пришли в медицину. Естественно, без сложных случаев и под контролем дежурных врачей, но все же практическую часть, а не надоевшую за семь лет теорию.

Занятая своими маленькими, совершенно разными по настроению, характеру, внешности и поведению пациентами, порхаю в больнице как бабочка. Их, конечно, еще мало. Но и Москва не сразу строилась. Я в своей стихии – это главное.

– Сегодня можете уйти пораньше, – ставит нас в известность Эмма Игоревна, едва мы с Ольгой возвращаемся в субботу с обеда. – Вот этих двоих осмотрите, показатели в план внесете и в принципе для вас на этом всё.

С тихим «шмяк» на стойку опускается парочка пухлых медкарт. Сверху по ним прилетает глухой хлопок уверенной ладони.

– Уи-и-и! Как здорово! – пищит Иванова, смешно вжимая голову в плечи и стискивая перед собой кулачки.

Я же перевожу взгляд с документов на Карлидину и, слегка нахмурившись, уточняю:

– По какому поводу поблажки, Эмма Игоревна?

Царевич Елисей за два года нас ни разу раньше шести домой не отпускал, даже по субботам. Еще и задерживаться приходилось. А тут такая щедрость. Здорово, конечно, но подозрительно.

– Потому что, Ульяна Сергеевна, я вижу, как вы обе с Ольгой Владимировной работаете, а не создаете видимость, как большинство других, – отвечает Карлидина, не глядя на нас.

Подтянув поближе к себе журнал регистрации, она что-то в нем аккуратно вписывает карандашом. Сверяется с записью, выведенной на клочке бумаги дерганым нечитаемым врачебным почерком, и, кивнув самой себе, что все верно, поднимает голову на нас.

– И потом, – усмехается невесело, – в понедельник вернется наш зануда-Царевич, да знаю-знаю, как вы его прозвали, можете не пучить глазки, – хмыкает на гримасу Лёльки, – и жизнь снова перестанет казаться раем.

– Это да, – кивает подруга, не скрывая тяжкого вздоха.

Карлидина же, оказывается, не закончила, потому добавляет:

– Нет, если вы жаждете и дальше за остальных ординаторов отдуваться, милости прошу, девочки, запрещать, конечно же, не стану. Бумажной работы у нас всегда и на всех хватит.

Голова с темными, заколотыми наверх волосами наклоняется и указывает в сторону высокой пачки документов. Прослеживаем с Ольгой направление, не сговариваясь, на пару кривимся.

– Не-е-е... мы лучше домой, – журчит Иванова, прямолинейная, как шпала.

Теперь и я к ней искренне присоединяюсь.

– Спасибо, Эмма Игоревна, мы с радостью воспользуемся вашим щедрым предложением.

– То-то же, – довольно хмыкает наше временное начальство, но, заметив, как из-за угла выворачивает еще парочка ординаторов из нашего потока, делает лицо кирпичом, сдвигает к нам ближе медкарты больных и строго командует. – А теперь взяли папки в руки и брысь отсюда.

Уговаривать дольше не нужно.

– Нас уже нет, – булькаем с Ольгой одновременно.

Хватаем, что дали, и чешем по прямой в выделенный нам закуток.

На проверку пациентов и заполнение бумаг уходит плюс-минус двадцать минут. И к половине третьего мы, свободные и счастливые, вываливаемся на крыльцо больницы.

– Боже, какое счастье! Суббота как у белых людей! – счастливо выстывает подруга.

Абсолютно и полностью с нею соглашаюсь.

Подставляю Лёльке локоть, чтобы она за него цеплялась и, излучая позитив, которым наполнена до краев, выпаливаю:

– Предлагаю отметить это дело в кафешке. Как на счет ку-сочка тортика и ароматного капучино? Фисташковый с ма-линой? Я угощаю.

– М-м-м... я даже не знаю... – тянет хитрюга, разыгрывая усиленную мыслительную деятельность.

Но за локоть цепляется, и мы шустро перебираем ногами по парковой дорожке, семена в сторону выхода.

Чем меньше любопытных глаз, случайно высунувшихся в окно, нас засечет, тем лучше. Длинных языков вокруг полно, не хотелось бы, чтоб нам перемывали кости, или, не дай бог, нечаянно по шапке прилетело Карлидиной.

– Тогда, может, красный бархат? Нет? – поддаюсь игре. – Морковный? Тоже нет? Три шоколада? Окей, а как на счёт эклеров с черникой?

– О да! Умеешь ты, Пушок, уговорить!

Иванова без стеснения облизывает губы.

Смеюсь и спешу ее подколоть:

– Правда что ли?! Да ты от любого бы не отказалась!

– Вот и откуда ты такая умная взялась?

– Как откуда? Семь лет вместе, дорогая, за одной партой отсидели. Многие люди в браке столько не живут!

– И то верно!

Так подтрунивая друг над другом и дурачась, спешим к любимому кафе. Давно облюбованный маленький столик у окна сегодня занят, но мы не печалимся. Выбираем другое место. Делаем заказ и едва не урчим от удовольствия, на-

столько нам вкусно.

– Пожалуй, мамуле парочку эклеров прихвачу, – определяется Оля, когда нам приносят счет. – И, Ульяш, давай наш чек поделим напополам.

– Вот еще! – отмахиваюсь. – Я ж обещала угостить. Не спорь теперь!

– Но...

– Всё в порядке, Лёль, – перебиваю подругу и, улыбнувшись, понижаю голос, поясняю. – Я вчера уже с новыми арендаторами договор на съём квартиры на год подписала. Они через день после старых заедут, как только я наведу порядок. Так что скоро получу аванс за пару месяцев.

– О, круто! А с уборкой как? Сама или клининг закажешь?

Иванова упирается локтями в стол и подается ко мне ближе. Я делаю то же самое.

– Сама, Лёль, – вздыхаю, скривив морщку. – Звонила я в этот клининг. По рекламе четыре тысячи просят, а по факту, когда я с ними все обсудила, оказалось, что половина услуг идёт допом. И ценник по итогу в три раза дороже выходит.

– Ого! Какой наглез!

– Вот тебе и ого! – передразниваю.

– Та-а-ак, – тянет подруга, морща лоб и что-то обдумывая. – И в какой день ты планируешь генуборку?

– В следующее воскресенье, – не вижу смысла скрывать.

Специально подгадала ее на единственный выходной день. Справиться со всем за пару часов точно бы не вышло,

да и намыывать окна в ночи после десяти часов на ногах – тот еще квест.

– Ясненько, Пушок. Тогда у меня предложение. Я тебе помогаю с уборкой, хотя это в любом случае, а ты сегодня идешь со мной в клуб.

– Лё-о-оль, – тяну, сморщив нос. – Мне не хочется.

Но вредина, сидящая напротив меня, неумолима.

– Ничего не знаю. Ты обещала подумать... и согласиться.

И потом, Миха будет рад нас видеть.

– Не нас, а тебя, – вношу поправку.

Но на Ивановой где сядешь, там и слезешь.

– Мы с тобой всегда вместе везде ходим, так что «нас», и не спорь! К тому же, Хазаринов – твой одноклассник, а не мой. И на счет подарка, – добавляет, будто мысли мои читает. – Можешь голову не ломать. Я уже от нас обеих ему презент купила. Так что с тебя только присутствие.

Прищуриваюсь и внимательно, неторопливо осматриваю Олю с головы до ног.

– Мне кажется, или ты все же решила дать парню шанс?

Иванова задумчиво пожимает плечами, но скрыть блеск в глазах не может.

– Посмотрю на его поведение, – произносит, якобы раздумывая, – а там как пойдет.

– Ну-ну... – хихикаю.

Как пойдет.

Мишаня на седьмом небе от счастья будет и своего уже не

упустит, если Лёлька даст ему зеленый свет. Парень по ней три года сохнет, хоть и делает вид, что он крутой и независимый человек.

Глава 9

УЛЬЯНА

В своих предположениях я оказываюсь права на все двести процентов. Хазаринов едва лезгинку не танцует, замечая, как мы с Ивановой приближаемся к месту, где он отмечает свой день рождения.

Стол, невысокий, прямоугольный, вытянутый, сплошь заставлен закусками, фруктами и выпивкой. А вокруг на двух больших угловых диванах отдыхают порядка десяти – пятнадцати человек.

Глаза разбегаются, пока всех окидываю взглядом.

– Ого! Какие люди! Привет, Пушок! – басит Рышканов, еще один мой одноклассник, как и Мишка.

Убрав руку с плеча какой-то худенькой симпатичной брюнеточки, он вскидывает ее вверх.

– Привет, Рыка! – машу ему пальчиками в ответ.

Привычка общаться кликухами осталась еще со средней школы, когда мальчишки на переменах бегали на задний двор покурить, а мы им с Месюсиной и Дунаевой стерегли выход и прикрывали от злобных техничек.

Краем глаза цепляю широкую ухмылку незнакомца слева. Поворачиваю голову, чтобы оценить, чего он такой довольный. И глазам своим не верю.

– Грач! И ты тут?

– Я!

– О боже! Вот это сюрприз!

Не сдерживаюсь и растягиваю губы от уха до уха. Сеньку Грачева с выпускного не видела. А это туева куча лет. Он к отцу на Север уехал, едва нам дипломы вручили. Собирался военным стать. Интересно, получилось?

– Пушиночка! – лось-переросток, вымахавший под два метра, ловко поднимается из-за стола и, приблизившись, подхватывает меня на руки, будто я в самом деле ничего не вешу. – Ты еще краше стала, мелочь!

– Ой да ладно тебе, дамский угодник! Я всё такая же! – хлопаю его ладошками по плечам, показывая, чтобы вернул туда, откуда взял.

А в душе так классно, словами не передать! Не потому, что комплименты его так вдохновили – это ерунда, а потому что реально очень сильно рада его видеть! И обо всём – обо всем расспросить хочется.

– Знакомьтесь, это Ульяна, а это Оленька, – подошедший сзади и приобнявший нас с Ивановой за плечи именинник представляет нас гостям, а затем наоборот, гостей нам.

Здороваемся, киваем, обмениваемся репликами и подколками в адрес Мишани. Садимся за стол. Нисколько не удивляюсь, что нам достаются места поближе к Хазаринову.

Его симпатию к Лёльке только слепой не разглядит. Ни сумрак клуба, ни мерцающие огни с танцплощадки – не помеха. Да и у Ольги глазки сияют, особенно, когда я ее первой

поближе к имениннику сесть пропускаю.

Не особо люблю ночные клубы – вечный шум, галдеж, алкоголь, рябь в глазах от стробоскопов, дым, нередкие разборки и вечно занятый любительницами пофоткаться возле умывальников туалет. Но сегодня на все машу рукой и наслаждаюсь тем, что пытаю Сеньку на предмет: кто ты, где ты, как ты?

Первые часы пролетают незаметно. Шутки, тосты, смех, подначки. Потом в дело включаются градусы. Народ окончательно сбрасывает оковы стеснительности и становится еще раскрепощенней. Разговоры звучат громче, смех звонче, шутки на грани.

– Идем танцевать!

Ольчик тянет меня в центр зала, где уже во всю куражатся остальные.

Иду. Почему бы нет. Даже то, что я не пью алкоголь, не делает меня зажатой тихушницей. Для веселья мне не нужен допинг.

Один клубный трек сменяется другим. Какие-то слышу впервые, каким-то даже подпеваю, прикрыв глаза и рисуя бедрами восьмерки.

– Ух ты, какие люди в Голливуде! – раздается на ухо голос, который совершенно не предполагаю услышать. – Ульяш, а ты, оказывается, у нас не домоседка, как я думал, а та еще тусовщица. А я смотрю, ты – не ты.

Резко обернувшись, встречаюсь взглядом с Максимом.

– Привет, дядя. Неожиданно, – не скрываю удивления.

– Почему? – усмехается он и, вальяжно закинув мне руку на плечо, заявляет. – Я вообще-то еще молодой мужчина. Тоже в выходной люблю расслабиться.

Стараюсь не морщиться. Судя по амбре, на грудь родственничек принял прилично. А уж следующие его слова эту мысль только подтверждают.

– Ульяш, ты моему приятелю сильно понравилась. Он – крутой чувак, бабок у него – мама не горюй. Пойдем познакомлю.

– Нет, спасибо. Не надо меня ни с кем знакомить. Мне и с моими друзьями и приятелями замечательно.

Убираю от себя руку дяди, но тот и ухом не ведет.

– Уль, не дури, – цепляется за плечо и сжимает его так, что скорее всего завтра синяки на этом месте обнаружу. Пьяный, Максим совершенно себя не контролирует. – Я ж сказал, что чувак крутой. И ты ему понравилась. Пошли. Поулыбаешься полчаса, пару коктейлей выпьешь и будешь свободна.

Смотрю на него, как на идиота.

– Я и так свободна. А твое предложение мне неинтересно.

– Да блядь! Я уже пообещал ему, хватит выкабениваться.

– Отстань от меня! – дергаюсь и отступаю на пару шагов.

Тут же рядом со мной вырастает Оля. Приобнимает. А спустя пару секунд нас с Ивановой резко сдвигают назад, а перед носами высятся три спины – Мишки и Рыка с Грачом.

– Дядя, иди туда, откуда пришел, и не лезь к нашим де-

вочкам!

– Нахуй пошли. Это моя племянница, и я ее забираю.

Ощущение, что Максим пьянеет, просто стоя посреди танцпола. Потому что то, что он говорит – бред сумасшедшего.

– Пухлый, проблемы? – со стороны дядьки из темноты показываются два бугая. Ростом примерно с Севку, вот только по ширине плеч раза в два крупнее.

Мамочки! И вот одному из этих громил дядька обещал меня привести?

Он совсем рехнулся?!

По коже мороз бежит.

Глава 10

ЕГОР

– Серый, ты вообще хоть иногда из своего клуба выползаешь или прописался в нём безвылазно? – подкалываю старого друга, встречающего нас на входе в вип-ку, расположенную на втором этаже.

– Не поверишь, Гор, только сегодня выбирался. Налоговая задрала бухгалтерию своими требованиями. Пришлось ехать лично, разгребать, – Лысков крепко пожимает мою руку, второй приобнимает и хлопает по плечу. – Здорово, дорогой. Рад видеть.

– Взаимно.

– Как ты?

– Живой, – ухмыляюсь и отступаю в сторону, давая возможность Сереге поздороваться и с Севкой. – Что со мной будет?

Лысков прищуривается, окидывает внимательным взглядом.

– Из больнички врачи выписали или сам сбежал?

Вот чёрт догадливый!

Он отступает в сторону и делает приглашающий жест рукой.

Проходим за столик.

Обстановка уже знакома. Бывал здесь ни раз.

Темно-бордовые стеновые панели с двух сторон отделяют нас от остальных отдыхающих. На входе черные плотные портьеры. Рядом с ними как раз от тормозился Борис, мой телохранитель, которого Севка после аварии от меня ни на шаг не отпускает. Напротив металлические поручни и вид на весь первый этаж ночного клуба, где сейчас во всю веселится молодежь.

Занимаю большое кожаное кресло. Сергей садиться в аналогичное справа. Климов слева, так, чтобы видеть и вход, и то, что делается внизу в зале.

– Чего молчишь? – подначивает друг, всё ещё ожидая ответа на свой вопрос.

Ухмыляюсь, не спеша признаваться. Но мой начбез, зараза вредный, уже палит контору.

– Сбежал, конечно, Серёг. Ты ж его знаешь.

– Сев, утомонись, – одергиваю Климова. – Хватит из себя наездку изображать. Говорю ж нормально у меня всё.

– У тебя вечно всё нормально, – ворчит Всеволод, даже не думая подчиняться. – А я, бля, чуть не поседел в той аварии.

– Обошлось же...

Решаю пойти на попятный.

Все-таки, положив руку на сердце, с жизнью я мысленно тогда попрощался. Ну, на том уровне возможностей, которыми располагал. Все же борьба за каждый вдох не особо располагала к мыслительной деятельности.

А потом появился белокурый ангел... и приоритеты сме-

нили направление. Я снова смог дышать и любоваться прекрасным видением.

– И слава богу!

Усмехаюсь и эту фразу своего начбеза не комментирую. Климов был бы не Климов, если бы не оставил последнее слово за собой.

Отогнув в сторону портьеру, в вип-ку просачивается официант с подносом. Вежливо поздоровавшись, он ловко расставляет на уже накрытом столе горячие блюда, графин с соком и пепельницу.

– Что пить будете? – интересуется Лысков.

Пусть я и сбежал из больницы, но от антибиотиков не отказался. Мешать лекарства с алкоголем – сливать курс восстановления в унитаз. Потому не раздумываю:

– Я воду.

– Я тоже, – следом за мной повторяет Севка.

– Скучные вы мужики, – подмигивает Серый и тоже заказывает воду.

Ухмыляемся друг другу.

– Колись, Егор Владиславович. Когда снова за границу уматываешь? Надолго в этот раз?

– Через пару недель планировал, Серёг.

– А по сроку?

– На полгода примерно.

– Хоть изредка возвращаться думаешь?

– Хороший вопрос.

Перетираем планы на будущее. Прикидываем варианты, как за оставшийся срок, что я еще в России, помочь Лыскову с вопросом по земле. Ему знакомый по дешевке кучерявый кусок подогнал. Серый выкупил, а теперь вдруг оказывается, что с бумагами не совсем порядок. Стоится нельзя. И знакомый друга не при делах, муниципалы что-то там сами нахуевртили, как обычно.

Время летит незаметно. Час. Два. Одни блюда сменяются другими. Серьезные темы – смехом. Пульсация света под музыкальные миксы слегка утомляет.

Растерев глаза, бросаю взгляд вниз.

Сначала реагирую на несоответствие. Обычно на танцполе люди отжигают, двигаются, а тут стоят. Стенка на стенку.

Приглядываюсь внимательнее и напрягаюсь раньше, чем понимаю, с чего вдруг такая острая реакция возникла.

– Ох, нихрена себе сюрприз по заявкам, – присвистывает Климов на ухо. – Савр, ты своего ангела собирался найти? А вот и она. Собственной персоной.

Я и сам вижу, что *ОНА*.

Узнал, даже не видя лица целиком, всего лишь в мелькающих огнях стробоскопов уловил нежный профиль.

Ульяна. Моя спасительница.

Тоненькая, хрупкая, невысокая. Блондинка в белом кружевном платье. Красивая, аж дух захватывает.

И это у меня, глядящего на нее с расстояния больше пяти метров.

– Вот бя! Разборок в клубе мне только не хватало.

Краем глаза улавливаю, как Серый, подошедший к ограждению, достает телефон. Быстрым набором вызывает охрану и велит навести порядок.

– Ульяну не трогать, – вмешиваюсь, без раздумий подрыываясь на ноги и направляясь к выходу.

– Что за Ульяна, Гор?

Лысков спешит за мной, как и Севка.

– Та, кто Савра откачала, не дав шагнуть за грань, – отвечает последний вместо меня, не скрывая предвкушения в голосе.

Вот идиот. Хотя и я тоже хорош. Все уши ему прожужжал про нее за эту неделю. Так что неудивительно, что у Климова сейчас рожа довольная.

– Ого, я тоже хочу с ней познакомиться.

Веселый тон Серого рождает внутри глухое недовольство. Но все уходит на задний план, когда, спустившись по лестнице вниз и достигнув места разборок, слышу:

– Уля, если не хочешь, чтобы твои друзья пострадали, бегом ко мне. Я тебя забираю.

Ух ты какой самоуверенный дядя.

– А забиралка у тебя не переломится, командир? – уточняю, заступая так, чтобы оказаться между молодежью и каким-то прилизанным пижоном в клетчатом костюме, за спиной которого топчутся два мордоворота.

Одновременно со мной в зоне конфликта оказывается Се-

рега и Сева. Охрана, моя и клубная, оцепляет периметр.

Глава 11

ЕГОР

– Проходя мимо, идите мимо, – с умным видом хохмит прилично подвыпивший чувак. Стараясь казаться выше, он задирает подбородок. Да так, что его самого слегка сносит назад. – Мы и без вас здесь сами разберемся.

Прищурившись, неторопливо его осматриваю. Потом также неспеша оцениваю его дружков.

– Ну это вряд ли, – растягиваю губы в улыбке. Недружелюбной.

Одна из бывших любовниц, как-то ее заметив, попросила при ней так больше не улыбаться. Мол, выглядит это настолько жутко, что бедняжку в дрожь бросает и вызывает желание нырнуть за плинтус и притвориться ветошью.

– Точно вряд ли, – вторит мне Серега. – Разборки в клубе запрещены.

– Э-э-э... мы не хотели проблем и очень извиняемся, – бугаи, стоящие за клетчатым пиджаком, явно узнают Лыскова.

Один приподнимает и разводит руки в стороны, показывая, что ввязываться в конфликт не намерен. Второй отступает назад и вбок.

– Ошибочка вышла, господа.

– Хорошо, если так, – кивает Серый.

Но взглядом четко дает понять, что как гости клуба они

оба взяты на карандаш.

– Да какая ошибочка, Боров, Жеха?! Улька – моя племянница. Я имею право забрать ее домой, – клетчатый пиджак в отличие от своих дружков отступить не собирается.

Не то перепил и не понимает, что переходит всякие границы. Не то debil по жизни, что тоже не есть хорошо.

– А она разве несовершеннолетняя, чтобы кто-то что-то за нее решал? – уточняю, с приличной долей ехидства в голосе.

– Совершеннолетняя, – отвечают мне защитники Ульяны практически хором.

Этих пареньков тоже окидываю цепким взглядом.

То, что заступились за девочку, не став раздумывать: надо оно им или нет, молодцы. Хвалю. Не каждый решится сунуться под два асфальтоукладчика с пудовыми кулаками, когда пришел в клуб расслабиться и отдохнуть.

А вот если кто-то из них парень моей спасительницы, то расклад меняется. Одна мысль, что она кому-то из троих принадлежит, доставляет конкретный дискомфорт в районе сердечной мышцы.

– Мне двадцать пять. Я давно совершеннолетняя, – голос Ульяны сквозь музыку и гомон вычленяю моментально.

Мягкий, нежный, чистый. Каждым звуком дергающий что-то внутри, вынуждающий откликаться, вестись.

Кто б знал, что он мне, как и ее нереальные зеленые глаза, несколько раз снился. Закостенелый циник и неисправимый трудоголик оказался не таким уж непробиваемым.

Вы, главное, живите, пожалуйста!..

До сих пор ёкает внутри от ее просьбы.

Можно ли остаться равнодушным после таких искренних слов?

Я не смог. Впечатлился по полной программе и дал себе слово, что непременно найду ту, кто был ко мне так добр и бескорыстен.

А она взяла и нашлась сама.

Это что-то значит?

– Здравствуйте, Савр.

Ульяна не остается за спинами друзей, а смело обходит их и приближается к нам.

Ко мне.

Теперь, когда останавливается совсем близко, внимательно ее разглядываю. Волосы, лицо, фигуру, ножки. Она и до этого вспоминалась мне очень нежной и тонкой до нереальности. Сейчас же, когда на каблучках едва достает мне до подбородка, вообще кажется эфемерным созданием.

Статуэточкой. Красивой, как мечта, и хрупкой, как хрусталь.

– Узнала. значит?

– Да, конечно, – отвечает она мне с едва заметной улыбкой на розовых ненакрашенных губах. – И рада, что вы уже в порядке.

– Только благодаря тебе. Меня Егор зовут.

Протягиваю ей руку. Безумно хочу ее коснуться, убедить-

ся, что живая, а не мираж.

– Приятно познакомиться, Егор. Я – Ульяна. Но вы это и так, как я поняла, знаете, – на рукопожатие она отвечает, а едва вытаскивает из моего аккуратного захвата свои тонкие пальчики, поворачивает голову к Севке. – Здравствуйте, Клим. Или это тоже не ваше имя?

– Не моё. Всеволод Климов. Можно и Клим, и Сева. Как больше нравится, – ухмыляется мой начбез, за что так и напрашивается на смачный подзатыльник.

Стоит тут, зараза, скалится. Будто ему медом намазано.

– А я – Сергей, – Лысков под шумок тоже приближается. – Друг Егора и Клима. Рад знакомству, Ульяна.

– Взаимно, Сергей, – блондиночка кивает и ему, а после поворачивается к пижону в клетчатом костюме. Теперь смотрит прямо и строго. – Дядя Максим, я не знаю, что на тебя нашло, но я с тобой никуда не пойду.

– А если это дело жизни и смерти? Неужели бросишь дядьку в беде?

Вот точно идиот, который наивно полагает, что он бессмертный.

Но разобраться все равно стоит.

Хватает секунды, чтобы пересечься с Севкой взглядами. Он тут же достает трубу и скидывает сообщение охране.

Отлично. Хвост будет.

– Дядя, – Ульяна морщит нос и качает головой, – чтобы решать важные, как ты утверждаешь, дела, для начала надо

быть хотя бы трезвым. А ты далеко не такой. Так что извини.

Девочка отступает от родственника, а мы переглядываемся с Лысковым. Он приподнимает бровь и безмолвно задает вопрос. Я едва заметно киваю – даю ответ.

Перехватываю свою спасительницу, пока не сбежала.

– Ульяна, я бы хотел с тобой пообщаться, поблагодарить. Уделишь мне немного времени? – протягиваю ей открытую ладонь, позволяя сделать выбор самостоятельно.

Давить умею и даже практикую, но с ней так не хочу.

С ней хочется вести себя иначе.

Мягче.

Не нахрапом, как привык.

– Я попрошу вас покинуть клуб. Ваше поведение создает неудобства для других отдыхающих, что абсолютно неприемлемо, – Серый одновременно со мной тихо, но четко указывает «дяде Максиму» на выход.

Тот открывает рот, явно планируя возразить, но подступившая с двух сторон охрана сводит его попытку хоть что-то вякнуть на нет.

Уля это, естественно, замечает, но, к моей тихой радости, за родственником не спешит.

Однако и руки моей не касается.

– Одну минуту, Егор, пожалуйста, – произносит она и отворачивается к своим защитникам. – Ребят, спасибо, что заступились, я так растерялась. Никогда дядьку таким не видела. Обычно он адекватный, честно, – и уже подружке, –

Лёль, я отойду ненадолго. Не обидишься?

– Да, конечно. Мы тут или за столиком будем.

Девчонка, брюнетка, стреляет в меня заинтересованным взглядом. Но не как на желанный объект, а как на того, кому собирается доверить что-то ценное.

– Пушок, точно всё в порядке? – самый высокий из троицы парней касается плеча Ули и переводит взгляд с нее на меня и обратно.

И если на нее он смотрит мягко и с теплотой, то мне достается конкретное предупреждение.

Ого, какой защитничек.

Интересно...

– Это твой парень? – уточняю немного позже, когда мы с Ульяной пробираемся через толпу на танцполе к барной стойке.

– Грач? – оборачивается она и заглядывает мне в лицо.
– Нет, Сенька – мой одноклассник. Хотя и Мишка с Рыком тоже одноклассники.

Улыбается широко, светло. Что я сам не замечаю, как отвечаю ей тем же.

– Так у вас вечер встречи выпускников, получается? – делаю самый логичный вывод.

– Нет, Мишке день рождения отмечаем, – признается бесхитростно. – Просто так удачно вышло, что ребята тоже на выходные в город вернулись.

– Понятно.

Обхватываю Ульяну за талию и задвигаю в бок, за секунду до того, как раздухарившийся парень, едва не впечатывает локоть ей в плечо.

– Аккур-р-р-ратнее! – расчленяю его взглядом и киваю, как только тот вскидывает руки вверх и несколько раз извиняется.

– Уф, я и не заметила, спасибо.

Отмечаю румянец на щеках и слегка сбившееся дыхание и мысленно кайфую.

Красивая.

– Уля, а почему Пушок? – задаю новый вопрос.

– Потому что Пушкова, – пожимает она плечами, даже не думая кокетничать. – А Савр – это...

– Савранский.

– О, как?! У тебя очень красивая фамилия.

Я эту фразу за свою жизнь слышал уже раз ...дцать и всегда там шел толстый намек на конкретное продолжение: «... я б не отказалась такую носить!».

Ульяна, конечно же, этого не подразумевает. Просто говорит то, что думает.

Зато сам я почему-то беру и примеряю.

Свою фамилию на ее имя.

Ульяна Савранская.

Звучит... красиво и... вкусно. Я даже кончиком языка по нижней губе пробегаюсь, будто пытаюсь распробовать сочетание.

– Мне безалкогольный напиток, пожалуйста.

Ульяна, достигнув барной стойки, вскидывает ладошку вверх и делает заказ. Я прошу бармена добавить к коктейлю воду и не разрешаю девушке за себя заплатить.

Мне не нравится ее попытка быть самостоятельной, зато заходит то, что она не пьет алкоголь. Не только сейчас. Пока шел, почувствовал, что она абсолютно трезвая.

Не люблю пьющих женщин.

И вот вопрос. А какая мне разница – пьющая она или нет?

По ходу, реально в аварии меня хорошо приложило.

Глава 12

УЛЬЯНА

Нажимаю пальцем ноги на кнопку «Выкл» на пылесосе и выглядываю на лоджию:

– Всё, бабуль, можешь возвращаться. У тебя теперь тоже чисто. Осталось лишь пыль протереть, и будет вообще идеально.

– Спасибо, Уленька! С пылью я сама справлюсь. За это не переживай.

Бабушка, до сего момента сидевшая на табуретке и разглядывающая происходящее во дворе, опирается на обшитый пластиком поручень и поднимается на ноги. Шаркая подошвами тапочек, доходит до высокого порожка и аккуратно его перелезает.

– Уверена? Я могу помочь, – предлагаю, придерживая ее за локоть.

– Не надо, внуца. Махать тряпкой, это не с твоей шайтан-машиной ладить. Много ума не требуется, – косится на пылесос.

Прячу улыбку и не комментирую.

Бабуля признает только веник. Но раз в месяц все же сдается мне и допускает пропылесосить. Вот как сегодня.

– Уленька, а хочешь, я тебе оладушек напеку?

Предложение встречаю на ура.

Раз ба надумала готовить, значит, ей действительно полегчало. Мысленно выдыхаю, но вслух не комментирую, еще не хватало сглазить. С бабушкиным давлением и его скачками не грех стать суеверной.

– О, это было бы здорово!

– Тогда пошла затворять.

– Давай. А я в «Пятерочку» сейчас за сгущенкой сгоняю. Тебе сметанку купить?

Бабушка шамкает губами, раздумывая, потом кивает.

– Возьми. Только маленькую баночку.

– Хорошо.

Решаю не спорить, но взять обычную. Разница рублей в пятнадцать-двадцать, а объем почти в два раза больше.

Сменив в спальне домашние бриджи и футболку на сарафан, перекидываю из рабочей сумки в шоппер кошелек, по пути к выходу прихватываю с комода телефон и спешу в прихожую. Обуваю балетки.

– Бабуль, я ушла! – кричу погромче, чтобы меня было слышно.

– Хорошо-хорошо, внуца, – доносится в ответ.

Кивнув сама себе, забираю ключи с крючка и при выходе запираю дверь. Перебирая ногами, пулей слетаю по лестнице. У подъезда здороваюсь с местными кумушками и... притормаживаю.

Одной отвечаю про бабулино здоровье, другой обещаю проверить, есть ли сегодня в «Пятерочке» акция на сахар, с

третьей договариваюсь, что она зайдет померить давление.

– Уляш, у Харитоновны из пятнадцатой нога отнялась, ей уколы внутримышечно назначили. Ты как? Сможешь поставить? Только по деньгам, сама знаешь, какая у нее пенсия.

Представляю.

– Сделаем, баб Жень. Вы ей передайте, что прямо завтра можем начать. Либо буду утром до восьми забегать, либо около семи вечера, как с работы вернусь. Мой телефон же у вас есть?

– Есть.

– Ну, как определитесь, вы мне напишите.

– А по оплате, Уль?

– Как обычно, – улыбаюсь, – шоколадки хватит.

Всем кивнув, прибавляю шаг.

– Ну ничего себе, за шоколадку десять уколов... – доносятся в спину обсуждения кумушек. – Дианка из сорок девятой сказала, что меньше чем за сотку каждый делать не будет. И это еще со скидкой. А так по сто пятьдесят, мол, давно берет...

Я тоже про такие расценки знаю, да только мы ж тут все свои. И, если есть возможность по-соседски помочь, почему нет? К тому же для меня это еще и лишняя практика, чтобы рука была набита.

В магазине с выбором товара справляюсь быстро. На КСО тоже задержки не возникает. Останавливаюсь лишь на секундочку, когда просят поделиться скидочной картой. И в

ЭТОТ МОМЕНТ ЗВОНИТ ТЕЛЕФОН.

– Приветики, спящая красавица! На часах почти двенадцать, а ты только глазки продрала? – подкалываю Ольгу, принимая вызов.

Прижав телефон плечом к уху, забираю свою карту, киваю на слова благодарности и убираю кошелек в шоппер. Перехватываю пакет поудобнее и спешу на выход.

Не люблю в толпе разговаривать.

– Ну и как ты догадалась? – зевает Иванова.

– Легко, – смеюсь беззаботно. – У тебя вчера такой смешной взгляд был, когда я домой собралась с Егором ехать. Честное слово, как у голодной кошки. Поэтому я ни секунды не сомневалась: первым делом, как проснешься, ты будешь мне звонить.

– Ну так интересно же! – ворчит Лёлька. – Что вы? Как вы? Мр-м-мм? Колись! Тем более этот Егор такой обалденный...

– Он просто взрослый, Лёль, – выдаю свою версию «обалденности» мужчины. – А познакомились мы случайно. Помнишь, я к Царевичу Елисею опоздала, еще про аварию говорила?

– Было дело...

– Ну вот тогда Савранский и пострадал, а я оказала ему первую помощь, – кратко описываю те события и плавно перетекаю на вчерашний вечер.

– Ну ничего себе у вас встреча в клубе случилась. Прямо

как в кино. Ты – принцесса в беде. Он – рыцарь в блестящих доспехах. Романтика.

– Никакой романтики, дорогая, просто приятное общение, – поправляю ее. – Уверена, ты в своей голове нарисовала всё намного красочнее.

– Ну, Пушоче-чек! А по факту?

Усмехаюсь и качаю головой. Вот любопытная Варвара, но ведь своя, любимая.

– А по факту, Лёль, Егор просто меня поблагодарил, предложил обращаться, если какие-то проблемы будут, мол, за ним должок, и подвез до дома.

– А дальше???

– А дальше... я сказала ему «спасибо», вылезла из машины и пошла в подъезд.

– Э-э-э... а-а-а... и всё? А как же... ну, продолжение?

– А в продолжение, – навожу таинства, но долго не выдерживаю и хихикаю, – я легла спать!

– Вот ты дурында! А я тут размечталась...

– От дурынды слышу! – отбиваюсь, веселясь.

Пару минут подкалываем друг друга. Потом перепрыгиваем на Ольгины сердечные дела. Подружка делится радостной новостью, что Мишаня предложил ей встречаться, и она согласилась.

– Представляешь, все разошлись, а мы еще несколько часов гуляли по набережной и к моему дому приехали, лишь когда на улице стало светать.

– Какие вы молодцы! Я очень за вас рада, – говорю от души, а через минутку прощаюсь, так как у подъезда ждут бабульки.

Докладываю про скидку на сахар, киваю на просьбу от Харитоновны делать уколы утром, а потом зависаю, услышав:

– Ульяш, дочка, а чего это Максимка к вам с баулами явился? У вас что ль теперь жить будет? А у себя чего? Ремонт делает?

Глава 13

УЛЬЯНА

Взлетаю на наш этаж так быстро, будто за мной черти гонятся. Хотя на самом деле чёрт как раз поджидает меня внутри.

И ни где-нибудь, а посреди моей спальни.

– Ты что здесь делаешь? – восклицаю шепотом, чтобы не напугать бабулю, ушедшую перевернуть олады.

Дядька оборачивается на голос, хотя, уверена, слышал мои шаги, и, смерив меня неприязненным взглядом, недовольно кривит губы:

– А самой слабо догадаться?

– Давай без загадок, – морщу лоб. – Ответь на вопрос.

– Да легко. Я тебя предупреждал, племяша? Предупреждал.

– Что? О чём?

– Вот только не прикидывайся, что у тебя память короткая! – бросает Максим через губу. – Мне жить негде! Из-за тебя, кстати! Поэтому я тут.

– В смысле: из-за меня? – вычленяю суть.

– В прямом.

Бесит!

И он сам бесит.

И наглость его, что претензии мне непонятные кидает.

Но больше всего бесит, что ему совершенно наплевать на престарелую мать. Он даже не старается говорить тише.

Кусок идиота. И как они с папой могли настолько разными уродиться?! А еще говорят, что начинка ребенка от родителей зависит.

Тут либо бабушке с папой несказанно повезло. Либо с Максимом не совсем. Даже неясно, что правдивей.

– Я ж просил тебя вчера пойти со мной, – выговаривает мне дядька свои претензии, как начальник подчиненному. – Просил по-хорошему. Поулыбалась бы малеха Борову, бокальчик винца с ним на брудершафт пропустила, а он бы мне срок возврата долга продлил на пару недель. Две недели, понимаешь?! Я б за это время нашел бабло и недоразумение разрешил. Но ты ж нос задрала, в позу встала. Так что сама виновата, что теперь тесниться придется.

– Тесниться? Нам с тобой. Тут? Ты не шутил?

Выпаливаю вопросы, как из пулемета.

– Какие уж шутки, Улька, – скалится дядька. – Из-за твоего несговорчивости мою хату у меня уже утром отобрали. Что смог забрать, забрал, и вот я тут. Так что да, придется тебе, детка, потесниться. Ведь в свою квартирку-то меня ты хренпустишь. Я ж не дурак, видел, как ты губы кривила, когда я отличный вариант предлагал. Хотя... сейчас пару неделек поживем вместе, может, ты и передумаешь?!

Играет бровями гад.

– Ты совсем чокнулся?!

Обычно со взрослыми я веду себя культурно, не матерюсь, не унижаю их словесно, но в эту минуту меня рвет на части от хамства и несправедливости.

Я хочу топтать ногами и толкать этот паразита не просто к выходу, а до тех пор, пока он с лестницы не скатится!

– А ну цыц! – дядька наступает на меня, пугая злостью, мелькающей в глубине мутных глаз. Сейчас он трезв, но последствия вчерашнего загула легко различимы. – Еще не хватало, чтобы ты тут меня уму-разуму учила.

– А кому еще тебя учить, если в твоей голове ветер? – произношу тихо, но взволнованно.

По шарканью различаю бабушкины шаги.

Не хватало ей во все это вникать. Да я ее после такого никогда не откачаю.

– Ульяш, у Максимки ремонтники набедокурили, представляешь? – бабуля притормаживает на пороге моей спальни, держась за стену. Смотрит на нас по очереди, но в итоге сосредотачивается на мне. – Полы сняли, а его не предупредили. Ну вот как так можно, а? Совсем у людей совести нет!

– Ох ты ж боже мой! – выдаю единственное, что приходит на ум вместо бранных слов. – И как же они так сгруппили-то, дядь Максим?

Адресую вопрос виновнику проблем.

Тот изображает горе-печаль и пожимает плечами. Бабуля бросается его утешать. А я смотрю на последнюю и надеюсь только на то, чтобы у нее давление не шандарахнуло.

После гибели мамы и папы она очень тревожная. Ее уже не переделать.

Но дядька... Мне до безумия стыдно за его вранье, а ему пофиг. Стоит, спрятав руки в карманы джинсов, и с пятки на носок перекачивается.

Сволочь бессердечная!

– Ульяш, внученька, Максим у нас немножечко поживет, пока у него в квартире пол новый не положат. Ты ж не против?

Слегка вздрагиваю, когда бабуля до меня дотрагивается.

Отвечать не спешу. Поворачиваюсь к ушедшему родственнику и вглядываюсь в его наглое лицо. Тот смотрит в упор, усмехается.

– Пусть, конечно, остается, – киваю, копируя его мимику.
– Только у нас в кухне диван старенький, пружины кое-где торчат. Не уверена, что ему на нём будет удобно. Может, дядюшка, тебе лучше в гостиницу перебраться?

Ну и? Чем ответишь? Вскидываю бровь.

– Э-э-э... а я думал, ты мне свою комнату уступишь? – разыгрывает святую простоту этот хитрец и на бабулю смотрит.

Ждет поддержки.

И ведь та ведется. Даже рот открывает. Уверена, сейчас подключится, что Максимке бы отдельно, он же работает, а нам с ней и вместе будет неплохо.

Только не в этот раз.

Я не собираюсь отдавать пройдохе свои квадратные метры.

– Нет, Максим, не уступлю. Извини, – смотрю ему в прямо в глаза, чтобы четко понимал, что «извини» в моем случае ничего не значит. – Мне самой нужна моя комната. Я тут людей принимаю, чтобы денежки зарабатывать нам на жизнь. О, кстати, ты вроде собирался бабуле долг вернуть?

От тихони и скромницы дядька явно не ожидает таких слов. Теперь он хлопает глазами ненаигранно, по-настоящему.

– Э-э-э... да отдам, конечно... на следующей неделе, как аванс получу.

Ну-ну... усмехаюсь и качаю головой.

Балабол и враль!

А я... я просто устала от его манипуляций и сволочизма.

– Бабуль, представляешь, у Харитоновны нога отнялась, уколы ей делать надо. А еще баб Зоя забежит через часик. У нее тоже, как у тебя давление, шалит. Надо померять. Кстати, что с оладушками? Судя по запаху, получились на славу. Пойдем скорее кушать. Не зря ж я сметаны и сгущенки купила.

Вот так под разговоры беру бабушку под руку и тяну в сторону кухни, а у двери оборачиваюсь киваю дядьке, чтобы тоже из моей комнаты выметался.

Нечего ему тут без меня околачиваться.

В его присутствии я даже за кошелек теперь переживать

стану.

Но тот, потоптавшись, заявляет, что ему нужно еще по делам фирмы куда-то смотаться и, к счастью, оставляет нас дома одних.

– Ульяш, ты расстроилась, да? – считывает мои эмоции бабушка.

Только, как обычно, понимает их на свой манер.

Доверчивая, что наивное дитя.

– Главное, ты не расстраивайся, – хлопаю ее по руке.
– Иначе в больницу положу, как обещала.
 =====

Приглашаю в свою новинку "Развод. Первый шаг к счастью" <https://litnet.com/shrt/gwUl>

"Ида, мне нужна жена моего статуса, а не художница, размалевывающая машины", - сказал муж, подав на развод. Не остановила его даже моя беременность.
 "Хорошо. Я уйду", - не стала упорствовать и вернулась в свой родной город.
 Это был самый верный шаг в сторону собственного счастья.

Глава 14

УЛЬЯНА

– Господи, да когда уже эта черная полоса закончится?! – восклицаю в сердцах, выскакивая на крыльцо больницы, и в дверях едва не сношу кого-то с ног.

Из-за застилающих глаза слез человека разглядеть сразу не могу. Лишь по габаритам и парфюму догадываюсь, что это мужчина. И слава богу, что он выдерживает мой наскок и не падает, а остается на ногах.

Только еще кого-то покалечить для полного фиаско мне не хватало. Хорошим же я буду врачом.

Хотя буду ли?

После сегодняшнего не думаю, что Царевич Елисей допустит меня до аттестации. Я ж такой крик подняла на все отделение, что несколько медсестер сбежались. А потом еще и пощечину ему влепила.

А всё потому, что этот мерзавец завалил меня на кушетку для осмотра пациентов, и стал брюки сдирать и по телу шарить. Господи, если бы не ремень...

Ну вот за что мне такое?

А ведь начиналось всё вполне адекватно. Елисей Евгеньевич попросил меня задержаться и принять еще одного пациента. Естественно, под его наблюдением. И естественно, я не отказалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.